

РОССИЯ В НЕМЕЦКОМ ВОСПРИЯТИИ. ОПЫТ ДИАЛОГА

Интервью с профессором Юргеном Фельдхоффом проходило в его рабочем кабинете в Билефельдском университете 10 мая 2000 г. Беседа шла на английском языке — перевод на русский и редакция осуществлены проф. А.Г. Здравомысловым. После этого текст был направлен в Билефельд для корректуры, проф. Фельдхофф внес несколько письменных уточнений.

А.З. — Первый вопрос, который я хотел бы Вам задать, носит несколько личный характер. Как известно, у Вас сложились неплохие отношения с петербургскими социологами. Интересно, что было причиной? Какова мотивация, почему Вы не установили таких же или подобных контактов с социологами из Британии или Франции, с американскими социологами? Впрочем, может быть, такие отношения у Вас и есть, но мне известно, что у вас хорошие отношения именно с российскими социологами, и хотелось бы знать, почему?

Ю.Ф. — Любые научные контакты проистекают из совокупности обстоятельств. Одни из них связаны с научной биографией, другие являются случайностью. В данном случае имело место и то, и другое. Мне повезло в том, что я установил личные контакты с социологами, но в то же время здесь были и определенные научные интересы.

В научном плане я более всего интересовался трансформационными процессами в Европе, и не только в Европе, но и во всем мире. Поэтому я и заинтересовался российским обществом. Разумеется, какие-то идеи относительно российского общества у меня были, но поначалу мои интересы не были связаны непосредственно с социологией.

Когда представилась возможность стать гостем Санкт-Петербургского университета, я ею воспользовался, и благодаря этому и состоялось знакомство с моими коллегами, хотя до этого я о них ничего не знал.*

В мою задачу входила разработка программы контактов между российскими и немецкими социологами. И я стал заниматься социологией в России, чтобы ответить на вопрос: какое влияние оказывает или может оказать западная социология, точнее, немецкая социология, на преподавание этого предмета в России и, в том числе, на исследовательский процесс? Поэтому и возникли достаточно прочные связи с социологическим факультетом Санкт-Петербургского университета, и не только с Санкт-Петербургом, но и с некоторыми другими городами. Я был некоторое время в Сыктывкаре. А в Москве я преподавал на вечерних курсах по социологии в Академии народного хозяйства. Таким образом, я постепенно знакомился со все более широким кругом проблем.

* Профессор Фельдхофф был постоянным гостем социологического факультета Санкт-Петербургского университета с 1993 г.

А.З. — А когда у Вас возник интерес к России?

Ю.Ф. — Это произошло в начале 1990-х гг., когда была объявлена перестройка и задача построения рыночных отношений. Были провозглашены такие ценности, как свобода личности, демократия. Начался трансформационный процесс. Мне кажется, что это очень важный процесс. Я думаю, что Германия имеет определенное отношение к этим трансформационным процессам. Это мое личное мнение. Одно из наиболее существенных препятствий превращения России, Советского Союза в демократическое открытое общество заключалось в событиях, происходивших в Германии в 1930-е гг. Националистические тенденции в Германии и ее подготовка к войне помогли ортодоксам в СССР стать теми, кем они стали. В этом и состоит связь между историями двух народов. И это задерживало развитие общества.*

А.З. — Как Вы можете оценить те изменения в России, которые произошли за последние десять лет?

Ю.Ф. — У меня нет определенного мнения по этому вопросу, оно неоднозначно. По моему, никто не может дать исчерпывающую оценку тому, что происходит в России, так как само российское общество очень сильно дифференцировано. Такая оценка зависела бы от того или иного региона, от определенных слоев в социальной структуре общества, от возрастных групп. И все же, я думаю, что в обществе происходят изменения принципиального характера, и эти изменения — к лучшему!

В обществе возник интерес к событиям в других странах, студенты интересуются тем, что происходит не только в России. Это не отвлеченный интерес, они пытаются разобраться в том, как это связано с их собственными делами. Политические изменения, конечно, очевидны.

В настоящий момент все-таки проявляется авторитарная тенденция, но, если иметь в виду формальные критерии, то это — демократия, реальная демократия. Это очень много, но, с другой стороны, наблюдаются заметные тенденции отхода назад, в сторону националистических настроений. Это происходит и в интеллектуальных слоях, в университетах, среди студенчества. Один небольшой, но достаточно выразительный пример на этот счет. В систему преподавания в вузах ввели курс культурологии в качестве обязательной дисциплины. Но содержание этого курса обращено в сторону «национальной идеи России». С моей точки зрения, это не прогресс.

Вообще, картина достаточно противоречивая. С одной стороны, наблюдается прогресс в политике и прессе, в средствах массовой информации. Но, с другой стороны, происходит как бы возврат к тому кругу идей, которые существовали в Европе и России еще до Французской революции.

А.З. — Даже так далеко уходит в прошлое!? Но меня заинтересовало то, что вы сказали о помощи со стороны Германии российской или советской ортодоксии. Нельзя ли на этом остановиться более подробно? И в чем состоит влияние реформ на российско-германские отношения?

* Профессор Фельдхофф употребляет здесь весьма мягкий термин «советские ортодоксы». В то же время он указывает на чрезвычайно важный момент, недостаточно исследованный в социологической и исторической литературе. Речь идет о формировании личной диктатуры Сталина (предельной концентрации всей государственной власти в руках одного человека) как ответе на победу немецкого фашизма в Германии в 1933 г., на попрание основных положений Версальского договора и милитаризацию Германии. Провозглашение фашистским режимом советского коммунизма в качестве главного врага требовало аналогичной концентрации власти и на противоположном полюсе. Впрочем, в немецкой литературе имеется и иная точка зрения, согласно которой гитлеровский режим был всего лишь западной реакцией на победу большевизма (см., напр., [1]).

Ю.Ф. — Если посмотреть с немецкой точки зрения (а я не могу смотреть с африканской точки зрения), то здесь очевидны положительные сдвиги. Это позитивное развитие.

Немецкое общество, немецкая общественность весьма заинтересованы в развитии России. Это можно заметить, наблюдая работу нашего телевидения. Каждую неделю по телевизору можно видеть две-три программы с достаточно глубоким анализом того, что происходит в России. Информация не ограничивается ходом избирательных кампаний, она распространяется и на структурные преобразования. Интересны биографические передачи. Освещается не только то, что происходит в Москве, но во многих других регионах. Немецкие телезрители с большим интересом это смотрят. Им это нравится.

А у некоторых это вызывает даже романтическое отношение. Передачи идут из Сибири, из разных других регионов и делаются такими журналистами, как, например, Руге (Gerd Ruge) или программой «Монитор». У нас есть великолепные немецкие журналисты, специализирующиеся на России, пишущие в таких изданиях, как «Цайт», «Франкфуртер Альгемайне», ТАЦ.

Немецкие журналы также имеют хорошее представительство в Москве. Они очень хорошо информированы. Например, Э. Зигель (Elfie Siegel) и М. Вернер (Markus Wehrner) из «Франкфуртер Альгемайне». Или Флориан Хассель (Florian Hassel) из «Франкфуртер Рундшау». Их публикациям можно полностью доверять.

Конечно, есть публикации и другого характера, которые сосредотачивают внимание на преступности в России. Но такого рода вещи не публикуются в наиболее серьезных изданиях.

А.З. — Можно ли понять, насколько дифференцированы точки зрения на современную Россию?

Ю.Ф. — Я не занимаюсь этим специально. Но попытаюсь ответить на этот вопрос на основе личного опыта.

Прежде всего, есть военное поколение. Оно еще живо. Им около 70–80 лет, и у них двойственное отношение к России.

С одной стороны, они чувствуют себя жертвами. Они знают, что были агрессорами и в этом смысле слова жертвами, но они не могут примириться с мыслью, что именно они были агрессорами. Они не хотят помнить того, что на самом деле произошло в их жизни. Они были очень горды собой, когда они вернулись с войны, потому что они забыли то, что они сделали. Сейчас в Германии прошла очень интересная выставка о Вермахте во время войны. Она прошла почти во всех землях Германии. Это выставка документов и фотографий времен второй мировой войны. Она была инициирована в Гамбурге. Судьба этой выставки показала, что эти люди и до сих пор не могут смотреть в глаза действительности, частью которой были они сами: когда обнаружили некоторые ошибки в опубликованных фотографиях, они были этому очень рады.

С другой стороны, они помнят очень хорошо, что когда они были в советском плену — а большая их часть именно и была военнопленными, так как основная группировка немецких войск воевала на Востоке — то население окружающих сел и деревень относилось к ним по-доброму и с пониманием. Русские люди многим из них просто помогли выжить. А через плен прошла огромная масса населения!

Так что у этого поколения сохранилось двойственное впечатление.

Следующее поколение, к которому принадлежу я, было полностью ориентировано на Запад.

Я родился в 1936 г. Я не принимал участия в войне, так как был еще ребенком.

У нас не было никакого представления о русской истории или истории российско-немецких отношений. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в средней школе

и вузе. То, что преподавалось по таким предметам, как география или история, было чистой пропагандой. Власти ФРГ запрещали какое-либо иное знание об СССР!

В этом поколении люди очень боялись России! Некоторые из них имели личный опыт, связанный с жизнью в ГДР, ситуация в которой с западной точки зрения была совершенно нетерпима. Это касалось прежде всего тех людей, которые пытались пересечь границу, чтобы навестить родственников в Западной Германии.

Теперь обратимся к тому поколению, которое было следующим после меня. Это поколение 1968 года. Их судьба очень сложна. В принципе у них сложилось негативное отношение к России. У них сформировались антиавторитарные настроения. В 1968 г. они были молодыми студентами, как правило, настроенными революционно и просоциалистически. Но их симпатии были направлены не на Россию. Они больше симпатизировали таким лидерам, как Хо Ши Мин, Мао Цзе Дун, Че Гевара. Они смотрели на Россию с точки зрения социальной революции, происходившей в третьем мире. А Россия для них не была революционной страной. Это было более или менее утвердившееся буржуазное государство и буржуазное общество. Это было общество, где была установлена «диктатура нового правящего класса». Они критически относились к ленинизму, который, по их мнению, отошел от марксистской теории. Эту точку зрения развивал, например, Дучке. Его сторонники переворачивали Ленина с ног на голову, подчеркивали идеи азиатского способа производства. Это поколение поддерживало третий мир в его борьбе и против Америки, и против советской России.

Следующее поколение — поколение ровесников моих детей, сейчас им около 30–40 лет, некоторые из них были членами социалистических групп в Западной Германии. Например, мой сын был членом Германской коммунистической партии. И как достойный член своей организации он был направлен в Москву. Он получил образование в Москве, в школе Коминтерна, которая существовала в молодежном движении. Там он встретил довольно много своих сверстников из разных концов света. Но это было в очень напряженное время перестройки, когда никакие ценности уже не признавались. Большая часть этих молодых людей пришли к выводу, что никаких законов истории не существует. Условия жизни для них были очень тяжелыми. Единственное, что было понятно для немцев как из Западной, так и из Восточной Германии, это их собственные отношения. В ходе учебы они, естественно, растеряли все свои коммунистические или социалистические убеждения. Они пришли к выводу, что комсомол — это мафия! И что никакого социализма нет! Поэтому они оставили свои политические идеи и карьеру.

Мой сын, в частности, порвал с этим движением и стал профессиональным журналистом. Теперь он журналист, который не занимается политикой. Он работает в программе «Панорама», весьма информирован. Но у него нет сейчас специального интереса к России.

Недавно я ему сказал, что наш университет приглашает профессора Фогелера из Москвы, который преподавал когда-то в школе Коминтерна. Я предложил сыну сделать телевизионную передачу про него. Проф. Фогелер возвратился после 50 лет жизни в Советском Союзе. Его отец был очень известным артистом, он занимался революционным искусством. Однако в 1930-е гг. он был арестован и сослан в Казахстан, где и умер, не выдержав тяжелых условий жизни в ссылке. Но почему-то мой сын не заинтересовался этим сюжетом.

Сейчас выросло новое поколение. Среди них есть те, кто интересуется Россией. Они открыты, они чувствуют, что это интересно, но ясно, что у них не будет постоянного места работы, связанного с этим.

А.З. — С Вашей точки зрения, Россия — это часть Европы?

Ю.Ф. — С точки зрения политической перспективы Россия является частью Европы, независимо от того, является ли она формально частью Европейского Союза или нет. Она

будет партнером Европейского Союза и будет тесно с ним связана. Но в культурном плане, равно как и с точки зрения социальной политики, я не могу сказать, что Россия — европейская страна. Основные этапы буржуазной революции и те события, которые определили облик Европы, не происходили в России. Конечно, такие города, как Санкт-Петербург и Новгород, ничем не отличаются от Кракова, Риги и других европейских городов. Но про Россию в целом этого сказать нельзя. Мне кажется, что пока еще можно наблюдать только первые признаки включения России в европейскую жизнь. Но по этому вопросу у меня нет полной уверенности.

А.З. — А в чем же состоит эта дистанция между Россией и Германией?

Ю.Ф. — Очень трудный вопрос! У меня такое ощущение, что европейские нации имеют весьма прочные корни. Они не очень интересуются тем, что происходит в мире в целом. У них достаточно устойчивое внутреннее положение — во всех странах от Португалии до Дании! Экономическая и политическая ситуация у них как бы в порядке. В принципе европейские нации не имеют такой задачи — бороться за свое национальное государство. Конечно, пример Югославии показывает совершенно обратное. Но это скорее исключение для Европы.

Что касается России, то ситуация совсем другая. В России нет уверенности в своем будущем и нет ощущения собственной национальной идентичности. В России идет строительство нового общества так, как будто бы никогда раньше России не существовало! И поэтому российские политики не особенно интересуются тем, что происходит на Западе. Я полагаю, что у западных стран больше оснований интересоваться тем, что происходит в России, поскольку их собственное существование является достаточно прочным...

А.З. — А что можно сказать о России и Советском Союзе? Это та же самая страна или это разные страны? Что Вы думаете о преемственности и разрыве между современной Россией и СССР?

Ю.Ф. — С моей точки зрения, это полный разрыв. Россия — это страна, которая сформировалась, имеет Конституцию. Конечно, она не обсуждалась в каждой семье, но она была принята путем свободного волеизъявления населения. В Германии, кстати, Конституция не принималась всенародно.*

Далее, российские государственные структуры формируются на основе выборов, которые имеют определенную регулярность. Эти выборы свободны, они не контролируются сверху и не фальсифицируются.

В стране происходит обновление групп политического руководства. Вы не можете сказать, что группа Гайдара — это то же самое, что и группа Лужкова, и что группа Лужкова осуществляет те же самые принципы руководства, что и группа Чубайса, или идентична с тем, что называется «семьей» (хотя в последнем случае наблюдается, как кажется, большая связь). Значит, в принципе элита не остается неизменной. И ее изменения происходят таким образом, что политическая и экономическая элиты меняются местами.

Таким образом, очевидно, что на деле существуют основные элементы политической демократии и политический процесс не контролируется более единственной правящей

* Действующая в Германии Конституция провозглашена 23 мая 1949 г. после ее одобрения правительствами Земель. В разработке Конституции приняли участие Курт Шумахер (Kurt Schumacher) и Эрнст Райтер (Ernst Reuter) (от социал-демократов), Конрад Аденауэр (Konrad Adenauer) (первый канцлер ФРГ) и Людвиг Эрхард (Ludwig Erhard) (инициатор и творец экономического чуда — оба последних представляли христианских демократов) и Теодор Хойс (Theodor Heuss) (первый Президент ФРГ — от либеральных демократов).

государственной партией. Есть немало и иных различий, и в принципе — это совершенно иная страна.

Но мне кажется, что сами русские смотрят на этот вопрос несколько иначе. Они не знают, не уверены в том, каковы должны быть различия между Россией и Советским Союзом. Конечно, все признают рыночные отношения, но для русских довольно сложно понять эти различия в силу весьма сильной преемственности. К тому же Россия была в территориальном плане наибольшей частью СССР. А сейчас начали говорить о новом союзе с Украиной и Белоруссией. Мне кажется, что русские сами не знают, должна ли быть Россия другой страной, или же это должен быть демократизированный и экономически развитый Советский Союз? Но с моей точки зрения, между тем и другим большая разница!

А.З. — Возвратимся к вопросу об отношениях между русскими и немцами. Как Вы думаете, память о второй мировой войне, о германо-советской войне остается одной из наиболее важных проблем в массовом сознании, в психологии людей, или все это уже ушло в прошлое?

Ю.Ф. — Я думаю, что этот вопрос надо было бы задать тому, кто непосредственно участвовал в войне, и в то же время понимал, что тогда происходило. Я от этого очень далек. Это времена моего детства.

Но если бы я попытался ответить на этот вопрос, я бы сказал, что в политическом сознании думающего населения обеих стран война стала историей. И они не хотят извлекать ее из своей памяти. Есть немало немцев, которые скажут, что они знают об этой войне. И они на самом деле знают, так как они получили неплохое образование в определенном смысле. В общественном мнении не утвердилась точка зрения, что эта война была наиболее грандиозным и ужасным событием европейской истории.

Но на самом деле это была не война, это была жестокая попытка уничтожить оба народа. И это не была война равных сторон. Я думаю, что немцам (немецкому населению) это более или менее известно.

Что касается русских, то среди них довольно много тех, кто также весьма дружески и открыто относится к немцам. Среди людей старшего возраста можно наблюдать уважение к немцам, и для них характерно то, что они отделяют «немцев» от «фашистов». Я сам не принимаю этого отделения. Но в то же время я думаю, что это может быть основой взаимного понимания. Эта война тесно связана с фашизмом. Но и «немцы» не отставали.

Мы теперь многое увидели иначе. Мы видели этих солдат, и мы поняли, что они были не только «слепыми исполнителями приказов». Поэтому я не согласен с тем, что «немцев» и «фашистов» можно отделить друг от друга. Но эта точка зрения помогает решить некоторые вопросы в данный момент.

Я считаю, что ни по целям, ни по средствам их достижения эта война не была классической войной. Агрессия не была направлена против иностранной армии ради завоевания территории и ресурсов. Она была направлена против всего народа на основе расовой идеологии. *Цель состояла в том, чтобы физически уничтожить или обратить в рабство все население.* Средства, используемые ради этой цели, с самого начала выходили за рамки международных норм ведения военных действий. Цели немецких руководителей — партии, государства, армии — не отличались друг от друга. Это означает, что в руководящей элите Германии никогда не ставились и не обсуждались вопросы, касающиеся каких-либо компромиссов или различий в точках зрения. Основой стратегии были задачи, провозглашенные фашистской программой Гитлера и его партии. И почти все немецкие институты — армия, железные дороги, почта, администрация, военная промышленность — сотрудничали, действовали совместно по осуществлению этих планов. Немецкие солдаты и офицеры, отдававшие приказы уничтожать военнопленных и

мирное население и исполнявшие их, не были в большинстве своем членами (нацистской) партии и даже не были сочувствующими фашистам.

*Это означает, что и сегодня проблема ответственности распространяется на весь немецкий народ**, хотя большая часть людей могут считать себя в каком-то смысле антифашистами.

Кстати, интересная и обстоятельно документированная выставка о действиях Вермахта во время войны на Востоке будет вновь возобновлена через год.

А.З. — А кто же действовал с другой стороны? Со стороны Германии действовали фашисты и немцы, а...

Ю.Ф. — Теперь можно сказать, что другой стороной конфликта в этой войне был народ России, боровшийся против агрессии. Народ был организован правящей элитой на защиту своей страны. И они исходили именно из такого понимания событий. Конечно, никто не обсуждает в России — в Германии это не так важно — средства защиты, которые были избраны руководящим военным и политическим руководством страны. Ведь война была жестокой не только с немецкой стороны, она была жестокой и с русской стороны, со стороны руководства по отношению к своим.

Дискуссия по поводу того, что русские делали во время войны, какие были внутренние конфликты во время войны, решались ли они в соответствии с интересами населения или же в соответствии с интересами режима — эта дискуссия только началась в России. Она началась в узких кругах интеллигенции в связи с пятидесятилетием победы над Германией. Историк Ю. Афанасьев высказал свою точку зрения, которая оспаривается другими. Он хотел показать, что Великая Отечественная война была не только защитой. Она была и борьбой сталинистского политического руководства против ленинградской группы** ... Это то, что я знаю об этой дискуссии.

Может быть, это впоследствии повлияет как-то на интерпретацию войны, но в настоящий момент есть общее понимание того, что война была против немецких агрессоров, что агрессорами были фашисты и что с ними было покончено. Очень просто, это очень простое объяснение!

А.З. — А достаточно ли остановиться на этом — для истории, для преподавания — или еще существуют нерешенные проблемы, которые надо исследовать?

Ю.Ф. — То, что я говорил, не мое личное мнение о фактах истории, это мое мнение относительно того, к чему пришло общественное мнение, с чем оно согласилось, на чем оно успокоилось в данный момент, из-за чего люди потеряли интерес к проблеме.

Но я считаю, что по двум вопросам дискуссия не окончена.

Во-первых, дискуссия, которая началась в Германии: почему военная машина Германии в России была не только машиной агрессии, завоевания, почему она сделалась машиной уничтожения и убийства? Как это было возможно, чтобы молодые люди из нормальных семей стали убийцами и приняли участие в таких вещах, о которых нельзя было даже помыслить дома. Как это возможно? Есть книга Д. Гольдхагена — может быть, Вы знаете это имя — это молодой американский историк, который описал традиции немецкого милитаризма — убийства населения во время войн на Украине, в Белоруссии и

* Проф. Фельдхофф выражает одну из точек зрения, сформировавшихся в ходе дискуссии по проблеме вины (Schuldproblem) в немецкой литературе.

** Речь идет о таких деятелях высшего руководства страны послевоенного времени, как Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, обвиненных в «антипартийной деятельности» по так называемому ленинградскому делу. Кузнецов и Попков были арестованы в августе 1948 г., Вознесенский — в октябре. В январе 1950 г. все участники «дела» были расстреляны на основании сфабрикованных обвинений. Инициаторами обвинения выступили Г.М. Маленков и Л.П. Берия (см. подр. [2]).

собственно в России. Он объясняет это сильными чувствами ксенофобии и антисемитизма, которые укоренены в немецкой истории.

Конечно, с ним не согласны многие либеральные историки в Германии, которые объясняют это собственно условиями самой войны и военных действий. Но вот что остается неясным: как могли образованные офицеры, включая высший командный состав армии, — некоторые из них даже «восставали» против Гитлера! — как они могли отдавать команды на уничтожение населения целых деревень или определенных категорий людей, например, комиссаров или иных групп.

Этим занимались не только Гитлер и эсэсовцы. Военное командование само принимало решение об акциях против населения, не вызвавшихся военной необходимостью. Эти акции не были частью военных действий, по моему мнению. Все это остается неясным.* И это очень трудно понять!

Например, группа полицейских из Гамбурга была направлена в Россию в качестве воинского подразделения, и они занялись уничтожением населения.** У себя дома они были регулировщиками на перекрестках. Это невероятно, невысказано! Никто не может этого понять и до сих пор! Хотя дискуссия по этому вопросу продолжается вот уже 30 лет. Я надеюсь, что новые исследования этой проблемы помогут найти ответ на этот вопрос.

Что касается российской стороны, то здесь, с моей точки зрения, не обсуждают историю войны в достаточной мере. Почти не ведется дискуссия о том, что такое сталинизм и каковы были его предпосылки в российском обществе. Как он соотносится с большевизмом? И у нас нет хороших книг на тему о том, как сложился этот режим и почему он сформировался именно в России, а не в других странах. С моей точки зрения, эти вопросы мало обсуждаются, книг на эту тему недостаточно.***

А если и появляются отдельные работы, то они не переводятся и остаются неизвестными за пределами России. Так что немало этих и других вопросов требуют обсуждения. У нас свободное обсуждение этих проблем продолжается вот уже около более тридцати лет, и за это время сделано немало.

Но в России нет такой дискуссии, нет обсуждения уроков, в вузах не читают лекций по истории российского общества. В 1990-е гг. исследования в этой области начались, но теперь они снова прикрыты, и сейчас стало еще труднее, чем было раньше. Но я думаю, что надо сохранять оптимизм.

А.З. — А как Вы относитесь к весьма распространенному сравнению России после распада СССР с Германией после первой мировой войны?

Ю.Ф. — Я думаю, что это весьма поверхностное сравнение. Картина на улицах в России в 1990-е гг. и в Германии в 1940-е гг. сходна. Но в действительности различия очень существенны.

Во-первых, немецкая промышленность не была разрушена. Она работала под землей. Конечно, была разрушена транспортная система, пострадали многие города. Но современные технологии и современная организация производства — все эти современные вещи, которые позже выявились, вместе с тейлоризмом и фордизмом уже существовали в огромной системе военного производства Третьего Рейха. И все они

* Одна из позиций, сформулированная в ходе известной в Германии дискуссии историков, состоит в «невозможности понять», к которой в ходе беседы примыкает проф. Фельдхофф. См., напр., [3].

** См. [4].

*** Разоблачениями сталинизма была наводнена советская и российская публицистика конца 1980-х—начала 1990-х гг. Демократической оппозицией была даже выработана формула «сталинско-брежневский режим», объединяющая политические характеристики разных этапов истории советского общества. Однако внятного ответа на вопросы, которые задает проф. Фельдхофф, действительно не было дано. Кампания десталинизации по сути дела игнорировала основной факт европейской истории XX столетия — итог второй мировой войны.

продолжали работать и после 1945 г. — под землей. Это было весьма современное и высоко развитое индустриальное общество, которое могло быть переориентировано с задач военного характера на гражданские задачи без больших трудностей.

В Советском Союзе этого не существовало, так как современное производство в СССР было сосредоточено только в военно-промышленном комплексе. И в 1990-е гг. значительная часть российской промышленности не была модернизирована. Так что различие осталось очень большим. Российская промышленность имела устаревшее оборудование. Она была реконструирована в 1970-е гг., а затем в течение двадцати лет не было никаких изменений.

А промышленность Германии в условиях войны была в высшей точке своего развития. Кроме того, экономика Германии с самого начала развивалась в связи с западно-европейской интеграцией, а после войны в связи с западной программой демилитаризации. Она была частью экономического оздоровления Европы на основе плана Маршалла. С Советским Союзом в 1990-е гг. не произошло ничего подобного.

Во-вторых, в Германии после войны были сформулированы идеологические стимулы антикоммунистического характера, направленные на развитие технологии и науки, поддержанные американцами и западными странами. Так что Германия стала частью фронта против большевиков*...

А в 1990-е гг. большевики никому уже не могли противостоять. Так что я думаю, что разница была очень существенной в момент прекращения существования этих двух обществ.

А.З. — Вы сравниваете нынешнюю Россию с ситуацией после второй мировой войны?

Ю.Ф. — Да, я говорю о том, что было после второй мировой войны.

А.З. — А мой вопрос касался ситуации после первой мировой войны. Германия тогда потерпела поражение, и это стало основанием для формирования националистических настроений и поддержки гитлеровской партии. В результате через 15 лет после Версальского договора в Германии пришел к власти национал-социалистический режим, как он сам себя называл.

Ю.Ф. — Но этот приход к власти, этот переворот не являлся прямым результатом версальского договора! Этот договор и версальский режим были использованы нацистской пропагандой в своих интересах. Эта пропаганда в какой-то мере помогла им придти к власти в ходе демократического процесса.

На начальном этапе Веймарская республика была не менее демократичной, чем российское общество теперь. Тогда была принята замечательная Конституция, замечательные законы в области трудового права, установилась система отношений в промышленности, было создано социальное государство и в основном восстановлена система страхования, существовавшая при Бисмарке, созданы условия для развития искусства и для политического авангарда, который был ориентирован на будущее и на развитие демократии. Искусство, кино, живопись, литература процветали в то время.

Так что Веймар имел два лица. Одно лицо — это внутреннее развитие Германии, другое связано с мировым экономическим кризисом 1930-х гг., который и дал шансы фашистам, использованные в весьма специфической ситуации. Этот переворот не был организован в 1918 г. Тогда не было уверенности в том, что фашисты придут к власти двадцать лет спустя. Эти события нельзя объяснить просто как результат национализма.

* После событий 1934–1937 гг. политический режим, сложившийся в СССР, изменился до такой степени, что его уже вряд ли целесообразно характеризовать как «большевистский».

Что касается русского национализма, то здесь все выглядит иначе. Сейчас в России нет крупной националистической партии. Есть какие-то возможности для развития фашистского движения, но оно не появилось.

Так что различия между этими периодами гораздо более существенны, нежели сходства.

А.З. — А что Вы думаете о значении самого термина «нация»? Имеет ли он одинаковое значение в Германии и России? И связанные с этим понятия «национальная идентичность», «национальные чувства»?

Ю.Ф. — Я думаю, что немцы поняли, что само это понятие и соответствующие конструкции могут быть использованы во вред. «Нация», «национализм» имеют совершенно разное значение (в разных ситуациях). В этой области есть много терминов, но употребление их не всегда является признаком политической корректности. Обращение с ними требует осторожности. Лучше всего, если вы вообще не говорите о нации. Существует табу на «любовь к национальным интересам», так как это своего рода торговая марка, клеймо, означающее поддержку правых партий и движений профашистского типа, которые заявляют: «мы защищаем нацию» или «народ».

С другой стороны, в России, как я полагаю, не было фашистской диктатуры, и нет той тяжелой ответственности, которую несет немецкий народ за фашизм. Поэтому в России иное отношение к проблеме нации. Длительное время существовало интернациональное, многонациональное или универсальное советское государство, которое потерпело неудачу. Возможно, что население никогда и не принимало этой доктрины, так как не было личного опыта. Не было достаточного взаимообмена с народами внутри России, и вряд ли люди имели представление о жизни народов Кавказа или народов азиатской части России.

Может быть, теперь они возвращаются к нации как самостоятельной ценности в себе, которая могла бы помочь в процессе переориентации. Может быть, России еще предстоит в будущем прийти к разочарованию относительно национальной идеи. Но для Германии это уже в прошлом, это пройденный этап.

Я думаю, что это весьма опасно, если люди думают, что нация может заменить демократию, права человека, гражданское общество, приоритет права и закона, культурные ценности солидарности. Нация, конечно, не связана с этими идеями. Это понятие играло прогрессивную роль только во времена буржуазных революций XVIII века.

А.З. — А национальные государства? Они существуют в настоящий момент?

Ю.Ф. — Да, они существуют. Но они связаны не столько с «национальной идеей», сколько с историей формирования государств, которые не всегда были «национальными». И это в большей или меньшей степени лишь некий шаблон, который необходим в системе международных отношений. Вы не можете их отбросить, так как все законы, все права с этим связаны.

Вы не можете защищать права человека в безвоздушном пространстве или на небесах. Эти права защищаются государствами, и сами государства сконструированы как национальные государства, но национальная идея в рамках этих государств не представляется мне очень важной и, по моему мнению, она не имеет будущего. Национальное государство как надстройка над национальными чувствами представляет собой более ранний этап развития обществ.

А.З. — А как быть с «национальными интересами», это ведь общее место в политическом лексиконе?

Ю.Ф. — Национальные интересы всегда организуются в связи с определенными поводами. Я не вижу национальных интересов у таких компаний, как «Крейслер», «Фольксваген». Я не вижу национальных интересов у немецких рабочих. Они конструируются. У них есть интересы, связанные с сохранением рабочих мест, но сами рабочие места не являются национальными. Конечно, поскольку мы имеем национальное государство, которое в большей или меньшей степени влияет на социальное и политическое развитие общества, постольку у нас есть политики, которые занимаются легитимизацией интересов всего общества. Эти интересы они и называют «национальными». Но современное государство не должно быть инструментом защиты национальных интересов, оно должно защищать интернациональные интересы своего собственного населения. Нельзя считать безусловным, что население будет пользоваться плодами прогресса, безопасностью и сможет улучшить свою жизнь путем «национальной концентрации». Опыт показывает, что истина совсем в противоположном. Немцы, переставшие быть националистами после 1945 г. по вполне известным причинам, очень много выиграли, отказавшись от национальной идеи.

А.З. — Обратимся к примеру. Объединение Германии — разве оно не отвечало национальным интересам немцев?

Ю.Ф. — Нет, я так не считаю. *Немцы не были заинтересованы в создании более сильного национального государства в результате объединения Западной и Восточной Германии. Это было в интересах населения ГДР, которое хотело принимать участие в жизни Запада**, и это могло осуществиться только благодаря тому, что уже существовало национальное государство, достаточно сильное благодаря своей экономической и политической элите. Они это и сделали, они вступили в эти государственные рамки, но я думаю, что это было не в интересах объединенного национального государства, которое стало более сильным, чем раньше.

А.З. — Очень интересная точка зрения, но я думал, что объединение Германии было не только в интересах ГДР, но и в интересах другой стороны — Западной Германии, по меньшей мере.

Ю.Ф. — Я не вижу основательных аргументов в пользу этого суждения. Конечно, все так говорят, в особенности канцлер, который обеспечил себе перевыборы. Он бы проиграл выборы, но он сделал из себя героя воссоединения...

А.З. — Воссоединения «нации»?!

Ю.Ф. — Да, Вы правы, воссоединения нации, но я не думаю, что за этим стояли более существенные интересы.

Стена! *Разрушение стены было важнее, чем объединение Германии.* Разрушение стены, я считаю, было столь же важным, как и разрушение границы между Германией и Францией, которой теперь также более не существует! Для меня более важно то, что я могу ехать во Францию, в Бельгию, в Италию, в Голландию без всякого контроля, без всякого паспорта, без всякой визы, без денег, так как я могу поменять свои деньги в этих странах, точно так же, как я могу отправиться в пригород Билефельда. Это так же верно, как то, что я могу сегодня поехать в Лейпциг. И это не имеет никакого отношения к национальному прогрессу! (Как если бы Лейпциг не являлся частью национального государства Германия).

* Весьма спорное утверждение.

Если бы экономически и политически было возможным иметь два немецких государства, два немецких национальных государства, то не было бы никаких сложностей для населения Германии в обеих ее частях. Это было бы лучше, но я согласен с тем, что политически и экономически это было невозможно, так как население оказалось бы в неравных условиях.

А.З. — То, что Вы подчеркиваете интересы населения ГДР, не является ли своего рода легитимизацией того тезиса, что немцы из бывшей ГДР не являются «настоящими» немцами, что они — немцы как бы второго сорта?*

Ю.Ф. — Может быть! Может быть, и есть что-то такое, в чем я сам не отдаю себе отчета. У меня такое чувство, что немцы из ГДР не имеют идентификации в рамках национальной истории западногерманского государства или Германии. Они жили в своем собственном национальном государстве, национальным компонентом этого государства была немецкая культура, но вместе с тем это были социалистические мораль и культура. *Социалистический образ жизни, социалистическая повседневность имели свои традиции в их немецком отечестве. Социалистическое отечество было не только пропагандой, но они потеряли это отечество.*

А на протяжении 40 лет существования этого государства они утратили связь с немецкой историей, и теперь они попали в позицию учеников национального государства, унаследовавшего традиции страны, какой она была до образования Третьего Рейха. Может быть, я ошибаюсь. Но так мне представляется этот вопрос в настоящее время.

А.З. — Это Ваше рассуждение побуждает меня задать Вам еще один вопрос относительно вчерашнего мемориального дня.

Ю.Ф. — 9 мая!

А.З. — Да. В Берлине (в восточной его части) это событие отмечалось. Там была возможность отметить это событие публично. Не в больших масштабах, но все же в Трептов-парке 8-го мая был митинг, в котором принимало участие около 500 человек, выступал хор ветеранов, состоялось возложение цветов. А в западной части Берлина было ли какое-либо мероприятие? Может быть, какое-нибудь выступление общественных деятелей, речь в парламенте, про которую я не слышал?

Ю.Ф. — Я тоже не помню. Может быть, в Матхаузене, но это в Австрии.

А.З. — Даже Вы не знаете!

Ю.Ф. — Я не признаю это как национальное событие!

*А.З. — Я не могу понять, почему немцы считают, что это очень тяжелый день в их истории? Почему немцы воспринимают эту дату как символ поражения? Как выразился один из моих респондентов, «мы» — проиграли войну». Не означает ли это «мы» идентификацию себя с немецкой агрессией и фашистским режимом? А что произошло бы, если бы немцы не проиграли войну?****

* Задавая этот вопрос, я опирался на исследование А.С. Кармина [5]. Ответ Ю. Фельдхоффа высвечивает иной аспект этой проблемы.

** Экскурсовод Берлинского музея дала следующий ответ на мой вопрос о причинах поражения Германии во второй мировой войне: «Германия проиграла войну, потому что Гитлер не выполнил своих обещаний немецкому народу. Поэтому немцы отвернулись от него». Мой следующий вопрос — «А что было бы, если

Ю.Ф. — Я бы никогда не сказал, что «мы проиграли». Я думаю, что мы многое выиграли. Не только благодаря американцам, но и благодаря Красной Армии. Мы утратили возможность сохранять тоталитарный режим, который принес миру столько убийств, что это не укладывается в мыслях.

Для меня это не поражение, так же как и для тех, кто мыслит аналогичным образом. Но мы потерпели поражение в другом смысле. Мы испытали личные потери, утратили массу возможностей, многие были убиты, дома были разрушены и утрачена собственность. И особенно важно то, что была утрачена перспектива, всякая надежда на будущее. В 1945 г. никто не мог себе представить, что будет с ними в 1949 г. Это было невероятно — жить без будущего! Мы потеряли все, и речь не идет о месте нации в мире.

Те, кто занимались политикой, пытались найти перспективу. Они начинали снова и снова. Но в нашем парламенте с 1949 г. не было ни одной государственной партии, которая руководствовалась бы этим чувством, что «мы как нация потерпели поражение». Но люди думали и чувствовали иначе. Те, кто попали в плен, в ГУЛАГ, — они потерпели поражение.

Но в период восстановления люди стали гордиться тем, что они сделали. Но не как немцы, а как профессионалы или предприниматели. Стали гордиться и тем, что у нас было создано демократическое государство, которое было признано в качестве такового другими странами. В этом смысле можно было говорить о нации.

А что касается примера, который Вы привели с празднованием 8 мая, то у меня своя интерпретация этого события, которая может быть полностью неверной. *Он был посвящен памяти своего национального государства, которое возникло благодаря победе Красной Армии.* Это не значит, что они хотели его восстановления, они не настолько глупы! Но это была их жизнь, это основа их культурного наследия, которое они также называли национальным государством. Ведь в Германии вполне возможно было существование двух национальных государств. Австрия — это тоже национальное государство. Швейцария тоже когда-то была частью Германии — или Священной римской (германской) империи. Так что это вполне могло бы быть!

А.З. — Возвращаясь к тому, о чем мы говорили в начале, мне хотелось бы узнать, как Вы оцениваете негосударственные формы российско-немецких отношений, то, что обычно называют grass-root relations? Как это выглядит с точки зрения Вашего личного опыта? Есть ли люди, с которыми можно сотрудничать?

Ю.Ф. — Да, этот аспект немецко-российских отношений после 1990 г. был очень успешен. Это не ограничивается только университетом, они касаются очень многих сторон — школа, спорт, культура и музыка, соседские отношения. За это время очень многое сделано, затрагивающее отношения между странами и людьми.

Множество молодежи приняло в этом участие. Я не знаю, что они из этого вынесли, но мне кажется, что они поняли, что Запад может помочь, и что им нравится помогать. Это не только патримониальная форма помощи. Две недели тому назад мы встретили администратора педагогического факультета нашего университета. Он сказал: «Мы собрали деньги в своем клубе (частном клубе) и хотим передать эти деньги в Петербург в детский дом для сирот. Мы хотим передать эти деньги директору этого детского дома, которому мы доверяем. И мы не хотим передавать их через третьи руки».

Это в какой-то мере напоминает послевоенное время. Немцы, которые тогда были молодыми — как много помощи они получали в 1945 г.! Не от русских, конечно, они не могли помочь, хотя русские помогали немцам в восточной зоне... Но те, кто жили на

бы Гитлер выполнил свои обещания?» — поставил молодую женщину с высшим образованием, только что рассказывавшую маленьким детям об ужасах Холокоста, в тупик.

западе, помнят, как американцы им помогали. Я сам выжил благодаря этой помощи. И немцы теперь поступают точно так же.

Я думаю, у русских и немцев есть много общего, и было бы ужасно, если бы эти контакты были прерваны. Столько препятствий существует с налогами, таможенными, визами, которые превращают эти контакты прямо-таки в непосильный труд. Лекарства, некоторые вещи изымают на границе вновь и вновь, и удивительно, как только люди не устают от всех этих скандалов! Они этого не понимают, для них это «государство»! Но на самом деле это не российское государство. Это российская таможня, которая сама для себя государство, это налоговая инспекция — другое государство, это медицинские учреждения, которые также государство для себя. И все они друг с другом не связаны.

Немцам свойственно такое чувство, что российское общество пытается защитить себя. Но когда они встречаются с русскими людьми, которые занимаются социальной работой, культурной или исследовательской работой, тогда у них возникает чувство, что они очень близки к нам и что с ними довольно просто установить контакт.

А.З. — Так что Вы оптимист в оценке российско-немецких отношений?

Ю.Ф. — Да, я оптимист, но не в оценке институтов, а в том, как я вижу непосредственные контакты между людьми.

Литература

1. Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus and Bolschewismus. Berlin, 1987.

2. Пихоя Р. Социально-политическое развитие и борьба за власть в послевоенном Советском Союзе (1945–1955 годы) // Международный исторический журнал. 1999. № 6.

3. Лцвю Н. (Hg.) Holocaust: Die Grenzen des Verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte. Reinbek, 1992.

4. Goldhagen D. J. Hitler's willing executioners: ordinary Germans and the Holocaust. N.Y., 1996.

5. Кармин А.С. Внутренняя нация — правило или исключение? // Россия на перекрестке мнений. Москва: РНИСиНП, 2001.